

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с реальными людьми или событиями
непреднамеренно и случайно...*

Глава 1

Неприятность

Говорили, что на набережной
появилось новое лицо...

Чехов А. П.
«Дама с собачкой»

Однажды летом 1927 года на набережной города Ялты имело место чрезвычайное происшествие: из подкатившей машины — белого, замечу, цвета — вышел хорошо одетый господин, достал из кармана револьвер и без всяких околичностей приставил его к затылку девушки, которая стояла тут же и любовалась морем.

Девушка живо обернулась и, увидев сконфуженное лицо обладателя револьвера, залилась веселым смехом.

— Нет, нет, нет! — взволнованно закричал плечистый брюнет, подбегая к странному господину и еще более странной барышне, которая ничуть не испугалась вида оружия, которое, судя по всему, собирались обратить против нее. — Все не так!

Это была любимая фраза режиссера Винтера, и, услышав ее, члены съемочной группы заулыбались.

— Лёка! Побольше серьезности, ну что вы, в самом деле? Это важнейшая сцена, поймите, важнейшая! Финал первой серии... Эндрю, тьфу, Андрей! Решительней надо, понимаете? Вы же убеждены, что

девушка, которая вам нравится, участвовала в убийстве вашего отца...

Он сыпал словами, жестикулировал, даже показал актеру Андрею Еремину, как именно надо держать револьвер:

— Чтобы все зрители ахнули! Чтобы они с терпением ждали выхода второй серии... Понимаете? Чтобы они гадали, убьете вы ее или нет...

Солнце припекало нещадно.

Рубашка Винтера была вся в пятнах от пота. Оператор Эдмунд Адамович Нольде, франт и щеголь, всегда ходивший в безупречном костюме-тройке, и тот вынужден был разоблачиться и дошел до того, что снял пиджак и ослабил галстук.

Члены съемочной группы пытались спрятаться в тень, но ее было мало и хватало лишь для того, чтобы поставить несколько стульев.

Сидя на одном из них, комик Федя Лавочкин вяло обмахивался номером газеты «Известия» и, судя по утомленному выражению его круглого лица, давно исчерпал запас своих и чужих остроумий. Возле него Володя Голлербах, который играл в картине роль главного героя, уже несколько минут допивал квас, всячески оттягивая тот момент, когда в кружке наконец покажется дно.

Третьим стулом не без труда завладел немолодой гример Пирожков. Он сидел, поставив рядом с собой чемоданчик с принадлежностями своего ремесла, и терпеливо ждал, когда режиссер наконец закончит репетировать и велит гримировать актеров.

В павильоне, конечно, все были бы уже давно загримированы, но при такой жаре, которая стояла сей-

час, тон неизбежно начинал расплываться, его приходилось подправлять, и, выведенный из себя, Винтер приказал, чтобы на натуре актеров гримировали непосредственно перед съемкой.

— И когда все это закончится? — пробормотал себе под нос реквизитор Щелкунов и тяжело вздохнул. — У нормальных людей небось уже обед по расписанию, не то что у нас...

Те из съемочной группы, кому не хватило стульев, сгрудились за спинами сидящих, ловя блаженные островки и клочки тени.

У аппарата оставались только Эдмунд Адамович, его помощник Саша Деревянко с дощечкой — предшественницей современной хлопушки, на которой тогда отмечали всего лишь номер снимаемого кадра¹, ассистент режиссера Петр Светляков с грудой папок и нервничающий помреж Вася Харитонов, который застыл с мегафоном в руках.

В те времена в кино делали четкое различие между ассистентом режиссера и помощником.

Ассистент считался кем-то вроде второго режиссера и полноправного коллеги, а помощник воспринимался исключительно как мальчик на побегушках.

Но вовсе не сознание собственной незначительности в киношной иерархии сейчас терзало Васю.

Лёка была его девушкой, она недавно дебютировала в кино и воспринимала все происходящее недостаточно серьезно, что лишний раз доказывал

¹ К а д р — в данном случае отрезок эпизода между двумя монтажными склейками.

ее залиvistый смех на репетиции драматической сцены.

А Борис Винтер, как все знали, обладал вспыльчивым характером.

Вася с тревогой замечал, что Лёка плохо понимает, куда именно она попала.

Господи, ведь это же такой шанс — получить даже второстепенную роль в фильме, которой¹ суждено стать боевиком и которая уже сейчас вызывает такой интерес.

Помреж оглянулся на цепь милиционеров в белом, которые в нескольких десятках метров от него сдерживали толпу местных жителей и туристов, пришедших посмотреть на съемки.

И ладно зеваки, но ведь уже всю гуляют слухи о том, что грядущая фильма заинтересовала и немецких прокатчиков, и французов, и англичан, и...

— Эдмунд Адамович, вы позволите? — Вперед выступил импозантный Сергей Беляев, фотограф, командированный на съемки местной студией. — Сделаю-ка я ваше фото для прессы, пока солнце не ушло...

— Куда оно уйдет, — проворчал Нольде, поправив галстук и надевая пиджак. Подумав, он снял с головы белую кепку, которую не любил, но был вынужден носить здесь, чтобы не получить солнечный удар. — На небе ни облачка...

Фотограф, возившийся со своим аппаратом, усмехнулся.

¹ В 20-е годы слово «фильм» употреблялось почти исключительно в женском роде.

— Сразу же видно, что вы недавно в Ялте... Тут никто ничего гарантировать не может. Вспомните хотя бы недавнее землетрясение...

Но вспоминать о том, что 26 июня Ялту, а вместе с ней и весь полуостров порядочно потрянуло, Нольде не хотел. Как назло, он ухитрился накануне отравиться чем-то несвежим, и Винтер был вынужден в тот день отменить съемки.

— Нет, ну ты не мог отравиться когда-нибудь в другое время, а? — бушевал Борис после того, как землетрясение окончилось. — Из-за тебя мы упустили такие кадры!

— Простите, товарищ Винтер, — кротко ответил оператор, и его голубые глаза колюче блеснули. — Виноват.

Борис с подозрением взгляделся в его худое лицо, типичное для сухощавого блондина северных кровей, махнул рукой и, не выдержав, рассмеялся:

— Нет, ну ты подумай только: сколько людей гоняются за чем-нибудь таким... сенсационным! А у нас все из-под носа уплыло...

— Внимание, снимаю! — крикнул Беляев и припал к фотоаппарату.

Режиссер, закончив давать указания актерам, вернулся к камере и стал возле нее. Вася подал ему мегафон. Фотограф попросил разрешения снять Винтера и оператора вместе, но натолкнулся на отказ и отступил в тень, где стал вытирать платком выступивший на лбу пот.

— Кеша, возвращайся на исходную! — закричал Винтер в мегафон, обращаясь к водителю, сидевшему

за рулем открытой белой машины, на которой прибыл герой Еремина. — Лёка! Андрей! По местам! Репетируем...

— Вам не кажется, что все это ужасно смешно? — не удержавшись, спросила девушка у Еремина, который спрятал револьвер и готовился вернуться в машину.

Андрей обернулся, и она невольно задержала взгляд на правильных чертах его лица.

— Нет, не кажется, — равнодушно ответил актер.

Он не имел в виду ровным счетом ничего обидного, но Лёка отчего-то приняла на свой счет — нет, не слова его, а то, что ей послышалось в его интонации. Ей почудилось, что Еремин упрекает ее за то, что из-за нее им придется еще раз репетировать, а между тем солнце жжет так, что становится трудно дышать.

Хлопнула дверца — Еремин сел в машину, и Кеша, описав полукруг, отъехал на несколько десятков метров.

Закусив губу, Лёка постаралась сосредоточиться. Вообще-то ее звали Ольга, и в жизни она носила фамилию Скирда, но режиссер счел, что на афише такое имя смотреться не будет, и, ткнув наугад пальцем в карту мира, выбрал для дебютантки псевдоним Аден — по одноименному городу.

— Владимир Голлербах, Андрей Еремин, Федор Лавочкин, Нина Гриневская, — в упоении перечислила тогда Лёка Васе, — и Ольга Аден в боевике...

— Ну Гриневская-то точно будет первой стоять, — хмыкнул Вася. — Ты забыла, кто ее муж...

— Приготовились! Кеша, поехал! — загремел Борис в мегафон, после чего прильнул к глазку съёмоч-

ного аппарата, проверяя, как сцена будет выглядеть на пленке.

В толпе зевак какая-то старушка, державшая в руке пожелтевший кисейный зонтик от солнца, охнула и сделала такое движение, словно собиралась перекреститься.

— Ces gens-là me font peur¹, — пожаловалась она по-французски стоявшей с ней рядом седовласой худой даме в пенсне на черном шнурке.

— Que du bruit! — вздохнула вторая. — Je ne comprends pas pourquoi ils répètent toujours le même. Et la fille a une robe si courte...²

— Son petit chapeau blanc est assez beau quand même³, — строго заметила старая дама с зонтиком, чтобы оставить последнее слово за собой.

Лёка поправила свою белую шапочку (которая больше смахивала на панамку с узкими полями) и стала старательно смотреть на волны.

Шум подъезжающей машины. Хлопает дверца. Шаги.

— Лёка, поворачивайтесь! — закричал Борис в мегафон. — Держимся серьезно, но не переигрываем! Вот так, хорошо! Репетиция окончена...

Пирожков шевельнулся на стуле.

— Можно гримировать? — спросил он, не веря своему счастью.

¹ Эти люди меня пугают (*фр.*).

² Сколько шума! Не понимаю, почему они все время повторяют одно и то же. А у девушки такое короткое платье (*фр.*).

³ Зато ее маленькая белая шляпка довольно милая (*фр.*).

— Да, грим, и потом снимаем, — кивнул режиссер. — Руки, руки не забудьте! И вот что: Фома Лукич, шофера тоже загримируйте! Петя, дай-ка мне сценарий... Надо добавить туда пару крупных планов.

Ассистент раскрыл одну из папок и стал рыться в ней, ища нужные страницы.

Пирожков усадил Еремина на свой стул и заученными движениями стал наносить на лицо актера желтоватую смесь тона и пудры «Рашель № 2», а затем — как требовали условия тогдашних съемок — подчеркнул брови и ресницы, навел темные тени под глазами и накрасил губы.

Еремин терпел и только стоически улыбался Лёке, которая ждала своей очереди. Подошел шофер Кеша, поглядел на процесс гримировки, к которому никак не мог привыкнуть, несмотря на то что на съемках находился не первый день, и робко спросил:

— А может, меня не красить? Вряд ли кто из зрителей на меня смотреть будет...

— Ежели не красить, — строго ответил Пирожков, — у тебя кожа на пленке будет казаться темно-серой... — И он стал покрывать тоном шею и руки Еремина.

— Конец первой серии и начало второй, ну! — Борис начал сердиться на ассистента, который никак не мог отыскать нужные страницы.

— Уже нашел, — бодро отрапортовал Петя, протягивая ему отпечатанные на машинке листы, разлохматившиеся от того, что их то и дело передавали из рук в руки и вносили в них какие-то загадочные пометки.

Режиссер пробежал глазами строки и карандашом с толстым грифелем стал вписывать в сценарий исправления, одновременно кое-где меняя нумерацию будущих монтажных кусков.

Сам сценарий в то время выглядел примерно таким образом:

«675. Эндрю едет в машине.

676. Машина едет по улице.

677. Мэри на набережной, смотрит на море.

678. Машина останавливается. Эндрю выходит из машины...»

Возле номеров 675, 676 и 677 на полях почерком ассистента было написано: «Снято». После номера 678 Борис добавил строку 678а «Эндрю вынимает револьвер (крупный план)», а затем внес еще несколько изменений, которые показал оператору.

— Можно вставить вид моря после 677-го, — заметил Нольде.

— И опять план Лёки, тьфу, Мэри?

— Да, чтобы зрители начали ерзать на местах от нетерпения. — Эдмунд Адамович усмехнулся.

— А мы сегодня успеем? Мы же еще собирались заснять, как Володя с Федей бросаются на Еремина, чтобы спасти девушку. Правда, это уже начало второй серии...

— Успеем, — лаконично ответил Нольде.

В том, что касалось его работы, он не любил тратить слова попусту.

Отойдя к камере, оператор на всякий случай проверил, что пленка заряжена правильно и не преподнесет при съемке неприятных сюрпризов.